

* * *

И было так: мы ехали домой
из полугорода-полупивной,
где дням есть счет, и календарь исправный,
но все-таки Коперник не в чести,
и дворнику приходится мести,
как будто бы Земля стационарна.

Но разве я один среди людей
не видел зеленеющих полей,
где холм к холму приставлен для надзора?
Всё пропустив для нескольких минут,
когда понятно, что стихи придут –
внезапные, как вспышка метеора.

* * *

Я сказал: виноград...
Мандельштам

Я так тоже могу: мы вполсилы дышали,
рисовали огромными карандашами,
а в коробке лежал пластилин,
не хватало в конструкторе планок железных
да бинокля морского и зимних созвездий –
всё пропало и стало чужим.

Но в любое страданье и время любое
вы спросите: что было на фотообоях?
Я скажу: виноград, кирпичи.
Пацаны за окном набивали рябиной
все карманы, а я провалялся с ангиной
пол-июля, не знаешь – молчи.

Мне шестнадцать. Я месяц работаю в ЖЭКе,
а прораб говорит: «Поднимите мне веки»,
потому что вчера перебрал,
он легко не умел расставаться с вещами,
и когда ему зубы тащили клещами,
то, как русский разведчик, молчал...

Я не верил, что раньше он жил на Байкале,
мы его полудурком, по правде, считали:
я, Серега, Андрюха и Вэлл.
Он котенка назвал в честь Чижевского – Чижик
и, чуть что, говорил: «Господа все в Париже –
я живу, где мне Бог повелел...»

Меня по средам в школе избивали,
был график строг и Саша К. – жесток.
А ночью *кони медленно ступали*
и тяжело дышали между строк.

Звезда «Валюга» станет путеводной,
ты будешь ГРОЗ, а может, стволочной,
но если на тебе *печать Господня*,
уедь отсюда, слышишь, мальчик мой!

Неосторожно вынутый из детства
в тот мир, где *все хотят увидеть всех*,
не принял ни Дзержинска, ни Торецка,
ты не за этих был и не за тех.

EXEGI MONUMENTUM

Все умирали – кто за кем
понять нельзя тому, кто выжил,
а я из старых микросхем
спаял себя и имя выжег.
Мой экземпляр второй шагнул
антропоморфными ногами,
он был крупнее – как манул
всегда заметней меж котами.
Он был бессмертный – вот она
для нашей вечности загвоздка,
ему одежда не нужна,
вода, и хлеб, и папироска.
Растает очередь в «Магнит»,
померкнут вывески любые,
а он задумчиво стоит
и смотрит на поля пустые,
где обрывается Россия...